

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ДОРИС ЛЕССИНГ

БЕН
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Москва
2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Л51

Doris Lessing
BEN, IN THE WORLD

Copyright © 2000 by Doris Lessing
Copyright © Photograph by Chris Saunders

Перевод с английского *Ю. Федоровой*

Художественное оформление *А. Старикова*

Л51 **Лессинг, Дорис.**
Бен среди людей / Дорис Лессинг ; [пер. с англ.
Ю. Федоровой]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 256 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-96915-9

Странное, агрессивное существо, напугавшее читателей «Пятого ребенка», снова появляется на страницах второго романа фантастической дилогии Нобелевского лауреата Дорис Лессинг.

Теперь Бену восемнадцать, хотя выглядит он на сорок, его называют приматом и йети, он ест птиц живьем и обладает нечеловеческой силой. Что произойдет с этим героем, оказавшимся среди людей?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-96915-9

© Ю. Федорова, перевод на русский язык,
2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

Бен ответил не сразу, потому что ему было страшно, он знал, что случится дальше: молодой человек, скрывающийся от посетителей за стеклом, опустит ручку на бумагу и станет пристально рассматривать своего клиента. Бену было слишком хорошо знакомо это выражение лица: в нем читались удивление и нетерпимость, но без насмешки. Перед ним стоял невысокий, полный или, по крайней мере, крепко сложенный мужчина, одетый в куртку огромного размера, ему должно быть не меньше сорока. И такое лицо! Широкое, с резкими чертами, рот растянут в ухмылке — что, черт возьми, его так развеселило? — огромный нос, раздувающиеся ноздри, глаза с зеленцой, рыжеватые ресницы, над ними щетинистые брови того же цвета. Короткая аккуратная борода клином смотрелась на этом лице нелепо. Как и ухмылка, его длинные желтоватые волосы порра-

6 *Дорис Лессинг*

жали и раздражали — они круто спадали на лоб, а по бокам завивались жесткими локонами, словно пародия на модную стрижку. В довершение портрета — шикарное произношение; он что, издевается? Служащий пристально рассматривал клиента — присутствие Бена было ему неприятно и вызывало злобу. Он раздраженно произнес:

— Не может вам быть восемнадцать. Сколько на самом деле?

Бен молчал. Он был настороже, поскольку ощущал опасность. Он жалел, что пришел сюда: стены могли сомкнуться вокруг него. Прислушивался к звукам снаружи — в надежде, что они придадут ему уверенности в собственной нормальности. На платане и тротуаре ворковали голуби, и Бен чувствовал, что он с ними, представлял, как они цепляются за ветки своими розовыми лапками, и будто ощущал, как они обхватывают его собственный палец; их согревало солнце, и они были довольны. Внутри же слышались звуки, которых Бен не мог понять, пока не отделял один от другого. А молодой человек напротив ждал, играя шариковой ручкой. Рядом зазвонил телефон. С обеих сторон от служащего сидели еще несколько молодых мужчин и девушек, а перед ними это стекло. Некоторые пользовались щелкающими и дребезжащими приборами, некоторые тарачи-

лись на экраны, где появлялись и исчезали слова. Бен знал наверняка: все эти шумные устройства настроены к нему враждебно. Он немного подвинулся в сторону, чтобы не замечать действующих на нервы отражений в стекле и не видеть разозлившегося на него человека.

— Да. Мне восемнадцать, — сказал он.

Бен знал, что это так. Когда он отправился искать свою мать, три зимы назад — там он не остался, потому что приехал его ненавистный брат Пол, — она написала большими буквами на куске картона:

Тебя зовут Бен Ловатт.

Твою мать зовут Гарриет Ловатт.

Твоего отца зовут Дэвид Ловатт.

У тебя четверо братьев и сестер: Люк, Хелен, Джейн и Пол. Они старше тебя.

Тебе пятнадцать лет.

С другой стороны карточки было написано:

Ты родился в ...

Твой домашний адрес...

Эта карточка повергла Бена в яростное отчаяние, и он, выхватив ее у матери, выбежал из дома. Сначала он замалевал «Пола». Потом имена остальных братьев и сестер. Карточка упала на пол, он поднял ее и повернул обратной стороной,

8 *Дорис Лессинг*

замалевал все слова черной ручкой, оставляя лишь безумную пачкотню.

Это число, пятнадцать, часто всплывало в вопросах, которые, как Бену казалось, вечно ему задавали. «Сколько тебе лет?» Бен знал, что это важно, и потому запомнил, а когда на Рождество сменялся год — такое не пропустишь, — он прибавлял год и себе. Теперь мне шестнадцать. Теперь семнадцать. Теперь, поскольку кончилась третья зима, мне восемнадцать.

— Ладно, тогда скажите, когда вы родились?

После того как он яростно измалевал заднюю сторону карточки черной ручкой, Бен с каждым днем все лучше и лучше понимал, какую ошибку совершил. Когда его ярость достигла вершины, он уничтожил карточку, поскольку теперь от нее не было никакого толку. Бен знал свое имя. Он знал «Гарриет» и «Дэвид», а до братьев и сестер ему не было дела — он бы предпочел, чтобы они все умерли.

Бен не помнил, когда родился.

Вслушиваясь в каждый звук, он заметил, что шум в офисе неожиданно стал громче, потому что в одной из очередей какая-то женщина заорала на служащего, задававшего ей вопросы, из-за этой вспышки гнева люди во всех очередях начали переходить и меняться местами, некоторые забуб-

нили, а потом стали произносить, словно лая, короткие злые слова, вроде «ублюдки» и «дерьмо» — а эти слова Бен знал очень хорошо и боялся их. Он почувствовал, что от загривка вниз по позвоночнику пополз холодок страха.

Мужчина, стоявший за ним, в нетерпении сказал:

— Может, у вас времени полно, а я спешу.

— Когда вы родились? Какого числа?

— Я не знаю, — ответил Бен.

Тогда служащий решил покончить с этим, отложив решение проблемы:

— Найдите свое свидетельство о рождении. Пойдите в Архив. И дело с концом. Вы не можете сказать, где в последний раз работали. У вас нет адреса. Вы не знаете дату своего рождения.

С этими словами он отвел взгляд от Бена и кивком велел следующему мужчине занять его место. Бен стремительно вышел из офиса, волосы на теле и голове от страха встали дыбом, как у загнанного зверя. Снаружи по тротуару ходили люди, по узкой улице ехали машины, под деревом, где сутились и самодовольно ворковали голуби, стояла скамейка. Он сел на край, подальше от молодой женщины, та окинула его взглядом, потом еще раз, поморщилась и ушла, оборачиваясь. Бен уже знал *такое* выражение лица и ожидал его.

10 *Дорис Лессинг*

Женщина еще не испугалась, но до этого недалеко. По движениям было видно, что она спешила и волновалась, будто убегала. Оглядываясь, женщина зашла в магазин.

Бен хотел есть. Денег не было. На земле валялись сухие крошки, брошенные голубям. Он поспешно собрал их, озираясь: его как-то за это уже отругали. Потом на лавочку сел старик, долго и пристально смотрел на Бена, но решил не обращать внимания на свои инстинкты. Он закрыл глаза. Солнце слегка отсвечивало на потном старом лице. Бен поднялся, подумал, что надо бы вернуться к старухе, но она будет им недовольна. Это она велела ему сходить в офис и подать заявление на пособие по безработице. При мысли о ней Бен улыбнулся — по-другому, не той ухмылкой, которая рассердила клерка. Он сидел и улыбался, в бороде блеснули зубы, Бен посмотрел на старика, тот очнулся, вытер с лица пот и, глядя на ладони, сказал:

— Что? Что такое? — как будто он ему о чем-то напомнил. Потом, словно защищаясь, резко сказал Бену: — Над чем это ты смеешься?

Бен встал со скамейки, вышел из тени дерева, оставив общество голубей, и пошел по улицам, зная, что, двигаясь в правильном направлении, ему идти мили две. Вот он приближается к квар-

талу больших многоквартирных домов. Бен уверенно подошел к одному, вошел, увидел, что лифт, шипя и стуча, едет вниз, попытался вынудить себя зайти в него, но страх заставил пойти по лестнице. Один, два, три... одиннадцать холодных серых лестничных пролетов, слышно, как за стеной ворчит и трещит лифт. На площадке — четыре двери. Бен направился к той, из которой доносился сочный запах мяса, у него потекли слюнки. Он повернул ручку, подергал ее, отошел и в ожидании уставился на дверь. Она открылась. За дверью, улыбаясь, стояла старуха.

— О, Бен, это ты, — сказала она, обняла его и повела в комнату.

Войдя, он встал, слегка ссутулившись, бросая взгляды из стороны в сторону, в первую очередь — на большую полосатую кошку, сидевшую на подлокотнике кресла. Шерсть у кошки встала дыбом. Старушка подошла к ней и сказала:

— Ну, ну, киска, все хорошо. — Ее руки успокоили животное, прогнали страх, и кошка снова стала гладкой и аккуратной. Потом старушка подошла к Бену и сказала ему те же слова: — Ну вот, Бен, все хорошо, проходи и садись. — Бен перестал непрерывно смотреть на кошку, но не потерял бдительности и то и дело поглядывал в ее сторону.

12 *Дорис Лессинг*

Старушка жила в этой комнате. На плите стояла кастрюля, в которой тушилось мясо — это его Бен унюхал на лестничной площадке.

— Все хорошо, Бен, — снова сказала женщина и наполнила две чашки мясом, рядом с одной положила несколько кусков хлеба — для Бена, свою чашку поставила напротив, отложила немного в блюдце для кошки и поставила его на пол рядом с креслом. Но кошка не стала рисковать — она сидела тихо и не сводила глаз с Бена.

Бен сел и уже собрался было залезть в чашку руками, но бабушка покачала головой. Он взял ложку и начал есть, контролируя каждое движение, осторожно, аккуратно, хотя было видно, что он сильно голоден. Старушка почти не ела — она все время смотрела на Бена и, когда он доел, положила ему в тарелку все, что оставалось в кастрюле.

— Я не ожидала, что ты придешь, — сказала она: это означало, что она приготовила бы больше. — Наедайся хлебом.

Бен доел мясо, а потом хлеб. Больше ничего не осталось, только кусочек пирога; старуха подвинула его к Бену, но тот отказался.

Теперь ничто не занимало его внимания, и женщина спросила, медленно, словно говорила с ребенком:

— Бен, ты ходил в офис? — Она рассказывала ему, как туда добраться.

— Да.

— Что там случилось?

— Они сказали: «Сколько вам лет?»

Старушка вздохнула, закрыла лицо руками, потеряла его, словно пытаясь стряхнуть тяжелые мысли. Она знала, что Бену восемнадцать: он постоянно твердил об этом. Она ему верила. Это единственное, что он всегда повторял. Но она знала, что перед ней не восемнадцатилетнее существо, и решила перестать думать о том, что это значит. *Не мое это дело — кто он там на самом деле, —* вот ее мысли. — *Опасно! Трудно! Не вмешивайся!*

Он сидел, как пес, ожидающий наказания, зубы сверкали уже в другой ухмылке, старушка ее знала и понимала, что растянутые губы и этот оскал выражают страх.

— Бен, ты должен вернуться к матери и попросить свидетельство о рождении. Наверняка оно у нее. Это избавит тебя от многих сложностей и вопросов. Ты помнишь дорогу?

— Да, я знаю.

— Думаю, стоит пойти поскорее. Может, завтра?

Бен не сводил с нее взгляда, замечая каждое малейшее движение глаз, губ, видел ее улыбку и

настойчивость. Старушка уже не первый раз советует ему сходить домой и разыскать мать. А он не хочет. Но если *она* говорит, что он должен... Но вот что странно: старушка дружелюбна, тепла и добра к нему, но в то же время настаивает, чтобы он сделал то, что больно, сложно и страшно. Бен не сводил глаз с улыбающегося лица, которое в этот момент выражало для него все, что он не понимал в этом мире.

— Видишь ли, Бен, я живу на пенсию. Это все мои средства. Я хочу тебе помочь. Но если бы у тебя были деньги — а в той конторе тебе дали бы денег, — мне стало бы легче. Понимаешь, Бен? — Да, он понимал. Он был знаком с деньгами. Усвоил этот нелегкий урок. Нет денег — нет еды.

И она сказала, будто просила его не о чем-то важном, а о какой-то мелочи:

— Ладно, договорились.

Старуха встала.

— Послушай, я кое-что достала, думаю, тебе подойдет.

На кресле висела свернутая куртка, купленная в благотворительном магазине подержанных вещей, долго пришлось искать модель подходящего размера. Куртка Бена была грязной и изорванной.

Он снял ее. Куртка, которую нашла старуха,

обхватывала плечи и грудную клетку, а в талии была широка.

— Смотри, можно затянуть. — Она подогнула пояс. Были еще и штаны. — А теперь, Бен, тебе надо искупаться.

Он покорно снял новую куртку и свои штаны, не сводя глаз со старухи.

— Бен, эти штаны я выброшу. — Она так и сделала. — Еще я купила белье и рубашки.

Он стоял голый и наблюдал, а она пошла в маленькую ванную. Бен втягивал запах воды, раздувая ноздри. Пока ждал, изучил все запахи в комнате: слабеющий аромат чудесного мяса — теплый и приятный запах; хлеб, пахнувший как человек; еще резкий животный запах — запах кошки, та все еще следила за ним; запах кровати, в которой спали, а подушки, накрытые одеялами, пахли по-другому. А еще Бен прислушивался. Лифт за стенами молчал. В небе слышалось урчание, но он знал, что это самолеты, и не боялся их. Движения машин на улице он совсем не замечал — не придавал ему значения.

Старушка вернулась и сказала:

— Идем, Бен. — Он последовал за ней, залез в воду, скрючился. — Садись, — велела женщина.

Бену не хотелось погружаться, было опасно скользко, но горячая вода уже доходила ему до та-